

Разбойники пера

Владимир ДЕГТЯРЁВ

КРЕЩЕНСКОЕ КРУЖЕВО

Рождественская сказка

Сценарий полнометражного художественного фильма

Жанр: рождественская история

Продолжительность: 90 минут.

Съемка: 40% павильон, 40% интерьер, 20% натура, зима.

Мест съемки: три.

Главных героев: три.

Животных: собака черной масти.

Спецэффекты: нет.

Комп. графика: нет.

Время действия: начало 16 века.

Событие это произошло в небольшом русском подмосковном селе, а имело своё начало в канун водосвятия, на самый День Богоявления. Девица – красавица, именем Марья, имея от роду уже 16 лет, страстно возжелала выйти замуж. А, как известно, канун крещенского Водосвятия есть самый наилучший момент для тайного признания, и даже привечания «милого суженого».

А вот для того признания и привечания, понятное дело, Марье следовало посетить особо тайную колдунью Анисью, известную каждой живой душе на сто вёрст в округе. Сама она, Анисья, пребывает во вдовстве в свои аж двадцать пять прожитых лет, и сию вдовью печаль, как может, разбавляет колдовством и прочими общительными моментами из жизни поселян и, особенно, поселенок.

Тайком, да темным зимним вечером, в канун Водосвятия, девица Марья появилась у Анисьи, в её весьма просторном и богатом доме, и целый час имела тревожную радость выбирать подходящий ей обряд «признания суженого». Наконец, они, сообщая с Анисьей, остановились на очень простом, но весьма опасном колдовском

действе: «Подметание снега в самый День Богоявления».

В горнице у колдуньи Анисьи девицу Марью очень тревожило Анисьино гадательное пришепётывание, да ещё злое дыхание и цокот как бы маленьких копытцев по полу в соседней комнатке. Правый кулачок у Марьи дрожал, дрожал... Наконец, девица того дрожания не выдержала. Из рукава Марьиной шубы медленно вытекла и славно улеглась на скатерть песцовая шкура сибирского исхода. В явную благодарность. А Марья заспешила убежать. Уже в спину ей успела крикнуть колдунья: «А после гадания ищи, девица, ясные русские буквицы. Везде ищи! Те буквицы и дадут тебе знать имя твоего суженого!»

* * *

На другой день всё село отправилось на реку, на прорубь Иордань, а Марья, сказавшись простуженной, в полном страхе души и при любопытстве тела, стала готовиться в обезлюдевшем доме к тайному и страшному гадательному обряду. Перво – наперво Марья в трёхоконной горнице задрнула занавесками крайние окна. А вот среднее окно, что находилось аккурат суп-

ротив входной двери – не задёрнула. И даже протёрла окно чистой тряпичей. В то окно явственно виделась река и на той реке радостная толпа народу возле иорданской проруби. А еще виделось, как четверо стрельцов в малиновых камзолах несут к той Иордани огромный деревянный Православный крест.

Взявши в кухонном закутке решето, Марья, как была в сарафане, так и выскочила во двор. Нагрела снегу в решето, забежала в дом и тем снегом высеяла от окна ко входной двери снежную тропу. Тут же схватила веник и стала повдоль снежной тропы, тем веником тот снег разметать в разные стороны. Стала от двери, как велит обряд, мести к окну.

Махнёт веником направо и говорит: «Господи! Дай мне, ради Бога, рабе твоей верной, суженого доброго, красивого, да богатого!»

Махнёт веником налево и говорит: «Скот рогатый, сволочина чёртова, бес ты поганый! А ну, дай мне жениха! Да красивого, да доброго, да чтобы богат он был! Дай, бес лядский!»

Такая была рабочая часть того, языческого гадания, и Богу и Дьяволу одновременно. Что, конечно, противно и вере нашей, Православной и доброму естеству человеческому. Но желания девичьи, особливо, когда дело жизни идёт уже на семнадцатый год жизни, бывают, что поделашешь, сильнее всех уставов и распоряжений.

Размела в стороны Марья полосу снега в горнице и села на лавку, спиной к двери, лицом к окну. А в окне видит ликование народное у Иордани. Но у неё сердце трепыхается не от Святого Креста, а от душевного ожидания.

Скрипнула тут дверь. Марья оборачивается, а в горнице стоит большая чёрная собака и держит в зубах красный кружевной рушник, каковой добровольные помощники церковного причта повязывали себе на правую руку. Дабы занять полное своё счастье в поможении нести тяжёлый деревянный иорданский крест от храма до проруби.

Марья, конечно, собаки той испугалась, да как махнёт на неё веником! Собака рушник выпустила из пасти, лапой поддела скобу на двери и махом исчезла.

А дверь в горницу осталась чутка приоткрытой.

Марья схватила кружевной рушник, а там, как ей колдунья и напорочила, были вышиты и крест православный, и две бу-

ковки «**О**» и «**Н**». Можно их бы принимать как начало молитвы «Отче наш», но ведь колдунья ясно сказала, что, ежели, после гадания где-нибудь образуются буквы, то они станут первыми буквами имени Марьиного суженого.

Как увидела Марья буквы на том рушнике, так по комнате и заметалась в волнении, а больше – в страхе. Не знает, куда запрятать колдовскую вещь. И вдруг слышит в сенях тяжелые шаги, да с металлическим лязгом по дубовым ступеням. Сунула она тот рушник себе под юбки, да и рухнула на пол без сознания в голове. Аккурат посреди той, снежной черты и рухнула.

А в дверь стучался, стучался, да и вошёл без приглашения этакий добрый молодец, из стрелецкого сословия. И высок, и пригож, и лицом весел. Ибо выпивший был. Как в праздник без этого.

Огляделся молодец в горнице, увидел кринку с квасом, да и влил в себя весь квас. Ведь несущего тяжёлый крест человека всегда мучает жажда. Позвал, позвал молодец девицу пригожую, «мол, девица, очнись, очнись, дай тебе спасибо за квас твой сладкий сказать», да куда там! Марья как была в прочном обмороке, так в нём и осталась. Тогда молодец наклонился, поцеловал лежащую бездвижимо Марью в уста её сахарные, да и пошёл вон из горницы. Негоже, по нашим обычаям, одному молодцу находиться возле одинокой и бессознательной девицы. Не так поймут.

* * *

А через месяц Марья снова упала в обморок. Но сие падение случилось, когда пришли к ним в дом сваты. От того молодца – стрельца. Оказалось, что звали будущего жениха Олекса Никитин! А Марья тут же и вспомнила две буквы на кружевном рушнике, который занесла к ней в дом чёрная собака: «**О**» и «**Н**». Ну и обнесло ей голову. Сваты, конечно, подумали, что от радости.

Во время венчания в храме все присутствующие восторгались женихом. А Олекса Никитин надел поверх стрелецкого кафтана на серебрянной цепи золотой венгерский дукат, коим наградили его лично, за стрелецкие подвиги Государь всея Руси, Великий князь московский. Тогда награждали героев монетами, это потом медали придумали в чекан брать. На том венгерском золотом дукате с одной стороны имелась большая голова ихнего, мадыарского короля, а на другой стороне – крест като-

лического видения мира, на четыре конца.

* * *

Почти год молодые совместно прожили, вторая супружеская зима пришла, а знака при Марье, что дитё у них образовалось в известном месте – нет. Олекса, бывало, и рукой своей с лаской водил по Марьиному животу, а н – нету дитя!

Олекса Никитин, по такому случаю, тайком ходил во храм, к отцу Сергию, совет держать. Мол, взял я себе жену, как положено, по Православному обычаю, и девицей она была, и все Православные приличия соблюдала. А нету у неё самого верного показателя любви и супружества – дитя во чреве её. Нету!

Отец Сергей служил уже давно, был он старцем уже в преклонных годах, а посему и жизнь познал до великих глубин, и то нелепое и тёмное познал, что всегда возле жизни тайком обращается... И потому отец Сергей всякие благие слова Олексе говорил, примеры разные приводил из Святого Писания, из летописной русской Истории.

Да и так, между прочим, привёл пример из своей жизни. Мол, год назад, в ночь перед водосвятием, готовился он один, в пустом храме, к проведению праздника Крещения, а тут вдруг каким – то чудом... тут отец Сергей истово перекрестился... открыла тяжелую храмовую дверь огромная чёрная собака. Вроде, как скандинавской боевой породы собака, таких окрест села и нет. Подошла та чёрная собака прямо к ногам замершего от ужаса отца Сергия, понюхала его рясу. Потом встала на задние лапищи, а передние свои лапы, нет, не лапы, а тоже лапищи, положила на плечи святому отцу, открыла пасть, да и языком своим огромным, красным, радостно облизала лоб отца Сергия, щеки его, ну и бороду. Как бы вроде перекрестила. Естественным образом и отец Сергей, как положено, ту морду собачью тоже перекрестил. Но с целью избавления и себя и храма от этакой собачищи. Тогда та чёрная собака, вроде как благодарно, ухнула своим рыком, да и вон из храма пошла...

«То есть, прямо тебе намекаю, сын мой, – сказал отец Сергей, – что, может, в твоём брачном деле и нечистая сила примешалась. В канун Крещения тёмные силы завсегда просыпаются и вертят, и кружат души Православных людей. А откель та чёрная собака, я знать не знаю. Таких у нас в селе не было, и нет».

Тут стрелец Олекса Никитин ахнул и брякнулся на колени перед отцом Серги-

ем. И рассказывает: «Мол, год назад, имел я счастье со товарищами нести большой, тяжелый Православный крест на прорубь Иордань, и нести крест за большую перекладину. И случаем развязался у меня на руке красный, кружевной рушник, освященный тобой, батюшка. И упал рушник в снег. И какую я мысль при том имел, отец Сергей? Думаю себе, мол, можно ли бросить перекладину креста, да кинуться поднимать тот рушник? Нельзя. Сразу же падёт тот крест, да народ и возголосит от горя. И без рушника идти под крестом нельзя... Крикнул своему напарнику, нашему стрельцу, он в толпе народа рядом со мной шёл, мы с ним выпивали в тот день... праздновали Богоявление... крикнул: «Ванька! Подними мой рушник!» А он смеётся, дубина пьяная, стоеросовая, и показывает мне рукой, что мой рушник в зубах у огромной чёрной собаки и та собака несётся с ним к селу»...

Помолились совместно отец Сергей да Олекса Никитин на такое чёрное, небывалое дело, и дал отец Сергей наставление стрельцу – чтобы немешкотно ехал он в Москву, к самому Митрополиту московскому. И спросил у Митрополита совета, как избыть некие тайные чары. Поелику, видать те чёрные собачьи чары и не дают стрельцу силы для продолжения рода его. Ведь, и от испуга бывает, что детей – не бывает...

Уехал стрелец в Москву. Зачем уехал, жене своей Марье не сказал.

* * *

А Марья, уже третий месяц явно видя, что муж её любимый, стал к ней непостоянно относиться, поняла, что этакая нелюбезность мужа прямо связана с отсутствием рождения дитя. И сообразила, что отсутствие дитя прямо увязано с бесовской, а не с Божьей помощью. И увязано через то языческое гадание, через которое она, Марья, и заполучила себе жениха. В чём, знать, и чёрная собака помогла. А в собаке, может быть, (о, Господи прости!) сам дьявол к ней в горницу тогда и явился. По подметальному колдовскому призыву. Эх!

Пошла Марья к той Анисье – колдунье. Колдунья всё видит, всё понимает. И зная, какие страхи баба изживает на протяжении всей своей жизни, и что из – за тех страхов и детей у молодухи может не получиться, решила колдунья Анисья Марью – стрельчиху от тех страхов избавить. Поелику сама ведь тех страхов в неё и нагнала. А как из-

бавить женщину молодую, здоровую, да к тому же супругу стрелецкого сотника, от тёмных страхов? На то гадальный обряд, конечно, имеется. Правда, на то гадание и наказание имеется. Прямо по свирепому Государеву Указу. Конечно, тут колдунья заметалась. Внутренним свойством души. Забегала по горнице, там сухой травы от пучка оторвёт, пожует, там воды себе плеснёт из ковша, да той водой и умоется. Ничего не помогает колдунье Анисье от присутствия в русском государстве свирепого Государева Указа противу гадания, а в селе – от стрелецкого сотника, призванного охранять Православный люд от всего, чего не надобно.

Тогда открыла Анисья свой большой сундук, нашла на дне его большую чёрную книгу и быстро пролистала её. Нашла нечто для себя здоровое, прописанное рукописным образом. Сказала Марья: «Только чистое золото меня спасёт. То есть, тебя, Марья, конечно, спасёт. Найди, где хошь, чистое золото, принеси мне, я обряд очищения исполню, и будет у тебя дитё».

Марья, сразу лицом покраснела, ибо обрадовалась. И для ради себя, да ради дитя будущего, кинулась она скоренько к себе домой. И там, в доме, за иконами домашнего киота, нашла Марья ту золотую стрельцовую медаль. Мужнину медаль, за храбрость. Напомню, что тогда ещё медали простыми денежными кругляшами были, венгерского, испанского, да французского золотого чекана. Русь простым серебром брэнчала. На золотой рубль чего купишь? Сразу дворец. А пошто человеку дворец, когда ему за полкопейки серебром – барана дадут. Тут выбирай или во дворце, но без барана, или сытый, но без дворца...

Отнесла Марья медаль колдунье Анисье. Анисья вокруг молодой походила, пошептала, да и отравила Марью домой. А вослед ей сказала: «Вот когда почувешь, что понесла во чреве своём, только тогда, никак не раньше, мужу своему и объявишь, на какое райское дело сгодилась евоная золотая, просто геройская медаль. И только тогда та медаль ему назад и возвратится, но тоже тайно. Тайно, смотри, не явно!»

А сама себе ухмыляется. Выпроводила Марью, да и шикнула и чмокнула. Тотчас из – за занавеси, что скрывала в избе печной закуток, вышла огромная чёрная собака. Анисья сунула собаке костей и та собака стала кости в удовольствие грызть.

Колдунья и поясняет собаке своё тайное действо: «Мол, мы с тобой тотчас же поедем в Москву. Там в самом большом государевом храме найдём самого большого Православного владыку, и это золото попросим освятить. И тем освящением от себя грех отвратим, и за молодайкино дитё просьбу составим». В совершенно успокоенном виде колдунья Анисья потушила свечу и спать легла.

* * *

Ушла Марья от колдуньи, торопится домой, да что-то её тревожит. А тут на сельском храме колокол вечернее время отзвонил...

Зашла Марья в храм, упала перед старцем, отцом Сергием на колени, да и давай ему печаловаться, что вот мол, нет у неё дитя от совместной жизни со стрельцом Олексой Никитиным. А посему она сейчас и согрешила – пошла к колдунье Анисье, да за будущее своё счастье, в виде рождения дитя, отдала колдунье золотую медаль мужа. А мужу о том сказать не сможет. Как же ей быть?

Отец Сергей оказался в том деле как бы посередине сражения. Посреди душевного и телесного разлада мужа и жены, людей вполне хороших, но до полного божественного понимания дойти не успевших. Значит, в том его, отца Сергия, есть упущение, и он, конечно, то упущение должен восполнить, согласно заповедям Господним.

Марья, значит, спрашивает Отца Сергия: «Батюшка! Как мне быть? Если муж мой нынче придет, надо ли ему сказать, что я его заслуженную золотую медаль взяла? И зачем взяла»? А сама плачет, просто рыдает горькими слезами.

Отец Сергей перекрестил заблудшую в грехе прихожанку, а решить не может – как ей быть? Сказать мужу про медаль или не сказать? Ибо, согласно канонам, священник между мужем и женой всего один раз стоит, всего один миг, когда решается – объявить брачующуюся пару мужем и женой? Достойны они того, али нет? А более уже вставать между ними Бог не велит. Уже сам Господь за ту пару в ответе... Браки, они свершаются на небесах, слава Господу...

А в этом случае отец Сергей решил на великий душевный подвиг. И сказал Марье: «Не говори ничего мужу. Сам ему скажу. И знаю – что сказать».

И отправил Марью домой.

* * *

А тут и зимний вечер пал на землю. Затешил свечи возле аналоя отец Сергей и принялся, было, листать святые книги, дабы поискать в них ответа – как ему теперь, священнослужителю Православной Церкви, поступить? Чтобы поступок был и праведен, и ко всем Православным лицам справедлив и честен...

Не успел отец Сергей прочесть и пары страниц, как в храм вошёл вернувшийся из Москвы, от Митрополита московского, Олекса Никитин.

Рассказал Олекса отцу Сергию про свою беседу с Митрополитом московским. Что, мол, про бесплодие своей жены рассказал он Митрополиту, и про чёрную собаку рассказал, покравшую у него при водосвятии красный, кружевной рушник. Подумавши, Митрополит московский справедливо решил: «Надлежит стрельцу государеву немешкотно собрать жену его, Марью, да вместе с ней и приехать к нему, к Митрополиту. Ибо дело сие есть семейное, ведь за отсутствие нового рождения отвечают оба, и муж и жена!»

А потому он, Олекса Никитин, час назад, тут, рядом, в соседнем селе у друга – стрельца поменял своих усталых лошадей, взял у него свежих лошадей и запряг в кошевню. Вот велит он тотчас Марье собраться, и они немедля, прямо в ночь, поедут в Москву к Митрополиту.

Вот же случай какой! Совсем не в руку! Начнет сейчас стрелец одеваться на визит к Митрополиту и, глядишь, захочет надеть свою медаль. А медали – нету! Помолился тогда отец Сергей с великой нашей молитвой: «Отче наш! Иже еси на небеси...» и твёрдо сказал Олексе Никитину, чтобы поспешать в ночь он не смел, ибо это дело уже не его личное, а дело уже стало за Митрополитом московским, раз оно, может быть, связано с чёрными силами. А в ночь чёрные силы могут и не допустить стрельца с женой до проезда в Москву. Боятся Митрополита московского всяческие бесовские силы. И строят свои чёрные козни поперёк дороги к Митрополиту московскому. Посему пусть Олекса ночует спокойно, а утром, со свежими силами, да благословясь, пусть едут они с Марьей к Митрополиту в стольный град Москву. Это будет можно, ибо чёрные силы днём спят.

А пока он, отец Сергей, просит у Олексы взять ненадолго его кошевню, дабы съез-

дить тут недалеко, по церковным делам. Стар, мол, он, отец Сергей, пешком по снегу идти не сможет.

Одумался Олекса Никитин, отказался от своей торопливости, согласился дать отцу Сергию запряженную кошевню, только забрал из неё свою стрелецкую пищаль, да свой бердыш. А кинжал у него всегда на поясе висел. По тем временам ездить одному, да без оружия, в Москву не следовало.

И домой Олекса отправился, собирать-ся с Марьей к Митрополиту московскому.

* * *

Отец Сергей тоже собрался. Кроме того креста, что имел он у себя поверху рясы, взял он еще стекольный бутылёк со святою водой, перекрестился ещё раз на храмовый иконостас и покинул храм.

Отец Сергей знал, где на окраине села обитает колдунья. Он и направился на Олексиных лошадях прямо к Анисье – вдове. Направился, как был, в одной чёрной рясе, шубы не надевши, ибо кошевня стрелецкого сотника имела медвежьё полость весьма теплого свойства.

* * *

А когда Олекса Никитин пришёл домой, то встретила его обрадованная жена Марья. Да тут же стала ему и закуски подавать, и чару налила. Только Олекса хмуро на закуски и на чару глянул, и сообщил жене Марье, чтобы она немедля собиралась в дорогу, ибо рано поутру поедут они с ней к Митрополиту московскому. И прямо сказал Олекса жене своей Марье, что он уже у Митрополита был. И Митрополит московский увидел в ихнем супружеском деле, насчёт дитяти, упорное вмешательство чёрных сил в виде чёрной собаки.

Марья, бедная, как услышала от Олексы про чёрную собаку, так и села на пол. И не плачет, а только глазами моргает. Потом кое – как поднялась с пола, открыла свой женский сундук, и достала из него тряпицу. Развернула она ту тряпицу, а в ней оказался красный кружевной рушник с буквами «О» и «Н», который у Олексы украли на Крещение чёрная собака.

Олекса тотчас зашатался, перекрестился и сел на лавку.

А Марья, совершенно сухими от ужаса губами стала ему рассказывать, как у неё оказался тот кружевной рушник...

* * *

Отец Сергей подъехал к большому дво-

ру вдовы Анисьи, накинуд вожжи на коновязь, потом окропил святою водою крайнее окно колдуньиного дома, перекрестил ставень серебряным своим крестом и совершенно грозно, прямо совсем уверенно, постучал в тот ставень кулаком. Малость погода откинулся ставень, и в окне сначала показалась свеча, а потом уже лик колдуньи. Как увидела Анисья, кто высветился на улице под свечным огнём, так руками всплеснула, и вглубь темной горницы скрылась. Ворота отворять пошла.

Как зашёл отец Сергей в горницу, так даже, не замечая Анисью, взял Православный крест в правую руку и стал им крестить и саму горницу, и пол под ногами. А из левой руки, из бутылка, кропил везде святою водою. Анисья стояла перед ним в простой бобровой шубе, крытой красной парчой, шитой золотом, так отец Сергей мимо неё тоже не промахивался и крестом и святою водою. Досталось колдунье всего и помногу.

А поскольку отец Сергей стал творить молитву против тёмных сил, а та молитва не на один миг, а вполне великая, то Анисья затеплила в горнице ещё шесть свечей, да тихохонько прошла на кухню. А из кухни той уже вернулась в горницу с огромным деревянным подносом, на коем разместились много чего полезительного в вечерний час для поддержания сил, и духовных и телесных. Водка марийская на луковой шелухе для приятного цвету; водка литвинская, горькая; водка царская, тройной возгонки, белая, чистая, аки слеза. Ну, там наливочки, настоечки; вино ромейское, вино фряжское, вино «Кагор» особо выдержанное... А уж закусить сие благолепие было чем, поелику Русь плодами земель не обижена.

Таким образом, началось промеж отца Сергея и колдуньи Анисьи явное сражение светлых и тёмных сил.

Отец Сергей, выпивши царской водки, да закусивши её солёными рыжиками под лучком в льняном масле, как бы почувял, что он, именем нашего Бога Небесного, стал верх брать над языческой колдуньей. И таким отеческим голосом ей говорит: «Анисья! Эх, Анисья! Ведь я тебя вот этакую махонькую крестил не так давно... а ты что же это творишь? А?»

Колдунья, отложивши в сторону ножку печёной курицы, ему и отвечает совершенно грустно, а не злобно: «А чего же это, батюшка, я творю? Двадцать пять лет ведь уже минуло, как ты меня крестил! А не

вчера это было. И три года уж прошло, как покинул меня мой муж любезный. Скончался от ран и увечий, полученных в битвах за нашего Государя и за землю русскую. Провёл он почти всё своё женатое время в тех битвах, а я, за него переживаючи, детей от него не понесла, как положено... И как мне теперь прикажешь вот такими длинными вечерами, да уж совершенно длиннейшими ночами, избывать сию трагедию? Если никак не избыть, так хоть на час позабыть? И я стараюсь, в этой своей горько идущей жизни, оказывать людям потребные им услуги в области сердца. Например, одному молодцу поможешь в делах сердечных, да девице подскажешь, как ей мужа любезного обрести, всё равно как будто и живешь. И живёшь не зря».

Видит отец Сергей, что тёмная сторона жизни стала его теснить. Надо отбиваться. Выпил он, между прочим, ещё серебряную стопочку царской водки, закусил ту водку полагаемым образом – кусочком солёного осетра с тарелку величиной, да и отвечает Анисье совершенно твёрдо: «Эх, Анисья, Анисья! Да ведь на сии твои переживания я неоднократно тебе здравые советы давал. Говорил же тебе: «Ступай же ты, вдовья душа, в монастырь, там от таковских переживаний и спасёшься»? Говорил?»

Анисья же, вдовица колдовского нрава, ему на тот призыв отвечает ровно. И отвечает, видать, теми мыслями, что были ею крепко обдуманы бессонными ночами на такой случай: «А спастись мне, отец Сергей, я полагаю, пока стыдно. Смотри, какие напасти, да какие вороги окружают наше Великое московское княжество. Сюга турки нечестивые грозятся войной, с Запада литвины-иноверцы каждый год на Русь нападают, а с Востока, (как люди знающие мне говорят), готовятся пойти на нас войной страшные князи Гог и Магог. Почему же я, русская, да вполне живородящая баба, должна отказаться от бабской моей рекруции – детей Государю нашему плодить? Будущих воинов или матерей будущих воинов? А?»

Отец Сергей в ответ торопливости не высказал, а налил себе в кубок с орлом кагорцу. Налил самую малость, не полведра, а поменее, да и тянет себе тот кагорец, а через широченный край орляного кубка на раскрасневшуюся колдунью глядит – приглядывает. Мысль свою устанавливает в правильном порядке. Установил мысль,

и тогда лишь, опроставши кубок, Анисья отвечает: «Анисья, дочь моя! Не ты одна в таком разброде ума. Да, это верно, вдов много обретается на просторах нашей земли, но есть у нас и Закон такого порядка, что не в магомедовой земле мы обитаем, и не в Тибете. У магометан каждый муж имеет право на четыре жены. А в Тибете каждая жена имеет право на четыре мужа! Так, то же определено по вере их! А у нас по вере определено, что муж должен бысть един и жена при ём – одна. До суда Небесного! И кончим на этом! Государь и Великий князь ратников себе наберёт, хоть бы и в иноземных странах, а у нас такое законное повеление: «Вдова – ступай в монастырь!» Тем паче, что ты колдовскими чарами людей смущаешь, а сие есть – грех великий!» Анисья – вдовица такое заключение мыслей отца Сергия выслушавши, вдруг хватанула, правда, с солёным речечным заедком, целую водочную чару, и отвечает ему так спокойно: «А не пойду в монастырь!»

Тогда раздухарился отец Сергий и велит: «Подай, – говорит, – сюда немедля золотую медаль Марьиного мужа, стрелцего сотника Олексы Никитина! Красиво ты, Анисья говоришь про верность Государю и его стараниям по защите земли русской, и про будущих воинов для той защиты тоже верно говоришь, а действуешь облыжно и поперёк своим разговорам. Золото чужое собираешь себе в домашнюю казну. Грешно!»

Начала, было, Анисья оправдательную речь: «То золото я возверну, как только понесёт Марья плод от мужа своего, Олексы Никитина. А ты, отец Сергий, в женских тайных приметах не разбираешься, так уж имей мудрость мне поверить, что, таким образом, через ту, Олексину медаль, Марья и понесёт его плод во чреве своём!»

Упорствует отец Сергий, ибо верно направлено его Православное упорство противу колдовства. И тянет отец Сергий через стол, ко вдове Анисье, свою правую руку, и говорит громким голосом: «Отдай медаль, не греши!» И дабы укрепить свой требование, достает крест и начинает им крестить колдунью. А тут случилась такая несурзаца, как сквозняк. Ибо вдруг запахнулась дверь в другую комнату. И дунуло оттуда хладным воздухом, поскольку та горница не топились, видать, на ночное время. Задул тот хладный воздух шесть свечей и только одна свеча, волею Господа, осталась гореть промеж двух супротивных сто-

рон. Отец Сергий только крест из правой руки в левую переложил, правую руку, было, снова убедительно протянул в направлении колдуньи, подтверждая тем жестом требование золотой медали, как тут, в свете единственной свечи, увидел перед собой налитые кровью глаза и красный язык. И услышал, как грозно и низко рычит огромная чёрная тварь... Чёрная собака очутилась между колдуньей и отцом Сергием!

Отец Сергий был несказанно тем появлением раздасован. Ведь на противной стороне появилась вполне материальная, а не духовная чёрная сила. Перекрестился отец Сергий, перекрестил и чёрную нечисть с красным языком и, как всякий Православный человек, для начала решил отвести от себя нечистую силу ласковым приёмом: «На, скотина, лопай! – сказал отец Сергий и сунул огромной собаке половину печёной курицы. Собака сомкнула челюсти на курице, сквозь ту курицу прорычала нечто благовольтельное, повернулась и прошла в соседнюю комнату. И дверь за ней хлопнулась. Видать, сквозняком ту дверь и прикрыло. А, может, и собака постаралась.

Пока колдунья восстанавливала у свечей свет нужный и благостный для вечерней беседы, отец Сергий, надо сказать, решил всё же крепко вздохнуть от бывшей у него остановки сердца и дыхания при виде той чёрной собаки. Для чего с великим выдохом употребил специально для таких случаев созданный, в виде посуды, серебрянный ковшичек. Полный фряжского вина ковшичек. Глотков на двести всего-то...

Анисья, меж тем, не собиралась отступать в сей битве, и, отошедши от стола к своему вдовьему сундуку, порылась в нём, достала золотую медаль Олексы Никитина и ещё три золотых разномастных кружочка на серебряных цепочках. Медаль Олексы Никитина, ту, что венгерский золотой дукат, Анисья вернула обратно на дно сундука, а с другими тремя медалями разных рисунков и надписей, вернулась к столу, и говорит эдак льстиво отцу Сергию: «Отче! Прости бабу неразумную, но не ведаю я различия в сих золотых отметках храбрости и геройства. Тут вот ещё медали есть, так среди них и та, которую ты просишь. Ты возьми, какую тебе надобно».

Экая же колдунья! Экая же лицемерница! Так хитро провести святого отца, так заморочить евонную голову! Ведь он же золота мало видел в своей праведной жиз-

ни! А если и видел, так только что на куполах Православных храмов! А уж в виде монет, так ему такого золота никогда не виделось. Поелику и не подносилось. Поэтому и вопрошает отец Сергей: «Анисья, ведьма! Где ты столько золота насобирала, столько тяжкого греха себе на душу возложила?»

Безо всякого сумления, но с явным волнением отвечает ему Анисья: «Это есть, отец Сергей, медали, коими награжден был мой покойный муж! Награждён Великим Государем нашим, дай Бог ему силы и долголетия!»

Но не перекрестилась ведь при тех словах окаянная баба, ибо вдруг потекли из её глаз такие слёзы, что немедля отвернувшись она от отца Сергия и слёзы перешли в рыдания.

Но отец Сергей при сём явлении женской слабости не мог позволить себе отказаться от выбора. А, поскольку был он отцом духовным, то есть превыше всего ставил Истину и по ней шёл, то не мог он без имения знания о медалях, выбрать медаль наобум. И потому взял из руки колдуньи все три медали, сказавши при том: «Анисья, дочь моя! Вижу, что ты на пути к исправлению. И за то не держу на тебя многие тревоги, а за мужа твоего буду молиться, в час поминовения, с особой печалью. А пока возьму сии три знака храбрости, да тотчас же поеду с ними домой, к Олексе Никитину, и пусть он свою медалию узнает и приберёт. А остальные медали я обязательно верну тебе по принадлежности!»

На что вдова ему даёт такой ответ: «Ты меня обожди, святой отец, ибо я тебя провожу до дома Олексы, и сама стану править конями, ведь в твоём сане невместно возить колдунью! Это мне надо иметь счастье тебя возить! Как будто я есть кучер твой!»

На том и было порешено. Пока колдунья собиралась в достойную одежду для того, чтобы наглядным образом предстать кучерицей на козлах кошевни, с отцом Сергием в качестве седока, батюшка в знак победы над внедуховными силами подкрепился, согласно обычаю «на посошок», и они вдвоём покинули двор Анисьи, чтобы занять оговорённые места в кошевне.

Отец Сергей, находясь в превосходном состоянии души, даже и не заметил, как в позадки кошевни чёрной тенью скользнула чёрная собака. Кошевни те, старинные, были большими, зело вместительными, так что и пять человек шестого не заметят, если

он в позадках, под медвежьей полостью укроется. Богато жили в старину, вместительно.

* * *

А в это время в горнице стрельца, жена его, Марья сидела рядом с Олексой и слушала, что он говорит. Сидели они под образами домашнего киота, горела в горнице только неугасимая лампада. Хорошо. Тихо. Благостно... «Поедем мы завтра, Марьюшка, – говорил Олекса, – в самую Москву нашу, Первопрестольную. К самому Митрополиту московскому! Он человек большой благодати, он нас благословит на чадорождение. А, ежели, вдруг, мы с тобой, где и нагрешили, то наложит на нас Митрополит московский духовное наказание, а мы с тобой его вместе и стерпим. Ведь так?» «Так, любимый, – отвечает Олексе Марьюшка. – Всё для тебя сделаю и для чада нашего, будущего!»

* * *

А на улице уже взошла полная Луна, и всё окрест стало видать. И вот, видит Олекса, что возле его дома остановились знакомые ему лошади, знакомая ему кошевня. Что за выезд, на ночь глядя?

Глядь – поглядь, а из кошевни вылазит отец Сергей, в левой руке несёт бутылёк стекольный, в коем всегда держит святую воду, а в правой руке – крест Православный. А на груди его качаются в такт шагам по глубокому снегу, да и отчаянно сияют в свете Луны аж три золотые медали!

Олекса стал тут свечи зажигать, дабы встретить при полном огне святого отца, а Марья в окно глядит, не отрываясь, ибо видит и медали золотые у шагающего к воротам святого отца, и видит Анисью-колдунью на передке кошевни. И колдунья тоже увидела Марью в окне. И кричит ей Анисья, не стесняясь разбудить в селе весь вполне спящий народ: «Целуй мужа своего, Марья, крепко целуй! Тогда и почувешь под сердцем своим ответную сладость своих поцелуев!» Да как хлестнёт вожжами по застоялым коням! Кони тут же взяли в намет, а из позадков кошевни высунулась чёрная собака, да и подтвердила ухнувшем на село грозным рыком, тот крик колдуньи. Марья и села мимо лавки.

Теперича, заводит Олекса отца Сергия в горницу, усаживает его под образа и прямо так вопрошает: «Пошто ты, отец Сергей, моих коней отдал известной на всю округу колдунье? На чём теперь мне, да

Марье, ехать в Москву? Или коней колдунья сейчас вернёт, а ты, отец Сергей тех коней, да кошевно, снова освятишь?»

На что отец Сергей отвечает словами, вполне здравыми: «Ты, Олекса, не сумлевайся, если надобно, так и коней твоих и кошевно твою я снова окроплю и молитву прочту, какую положено читать. Но тут вот какой вопрос разродился – тебе надобно сейчас выбрать из этих трёх медалей одну медаль, то есть, свою медаль». Олекса, при полном свечном огне в своей горнице подходит и смотрит на медали, что висят на груди отца Сергея и молвит тому, что его, Олексы, медали на груди отца Сергея нет, ибо его медаль завсегда лежит в надёжном месте, то есть – за иконами домашнего киота. Затем подходит, перекрестившись, к домашнему киоту и шарит рукой за иконами. И своей медали там не находит.

«Нету, – говорит Олекса, – моей медали, ни у тебя на груди, святой отец, ни за иконами Православными. Кто мне сейчас ответит – где моя медаль?»

Отец Сергей тут же падает перед иконами на колени, начинает класть на себя крест животворящий, а Марья, вставши с пола, да порывшись в своём сундуке, подносит Олексе тот красный кружевной рушник с буквами «О» и «Н», что принесла ей в дом чёрная собака. Отец Сергей, молясь на иконы старого московского письма, говорит Олексе: «Прости сын мой, но ведь обвела меня клятая колдунья! Как есть обвела!» А Марья, вставши на колени рядом с отцом Сергием, ему вторит: «Прости меня Олекса, но и меня закрутила, завертела колдунья Анисья, а ведь без неё бы нам супружеского соединения не достигнуть!»

Олекса Никитин, увидавши у себя в горнице такое тёмное дело, тоже становится на колени рядом с ними, крестится на иконы и говорит: «Ты меня батюшка, отец Сергей тоже прости. Ведь Митрополит московский велел к нему и тебя привезти, дабы повеление дать, чтобы тебе самому произвести в нашем приходе церковное действие по изведению напрочь греховодной колдовской силы. Но я тебе того не сказал, ибо хотел ту чёрную силу сам из нашего прихода избыть, ибо я есть добрый христианин». После чего, вставши с колен, Олекса добавил: «Но я в первую голову стрелецкий сотник и поставлен, Государём нашим, стоять на охране Великого Государства именем Святая Русь!» Да тут, не выдержав, как хрястнет Олекса кулаком по столу, да как закричит: «А ну, именем Го-

сударя и Великого князя московского, рассказывайте мне всю правду! Где моя медаль?»

На тот стук по столу отец Сергей поднялся с колен, поднял и Марью, у коей глаза были в полных слезах, да и говорит ей: «Марьюшка, дочь моя, устал я малость в этих в битвах с колдовскими чарами. Крикни там, челяди, пускай чего есть, то и на стол несут. Самовар пусть несут и к нему разные медовые разности. Повечеряем, благословясь, да и между тем всё, что твой муж у нас испрашивает, то ему и поведаем, в виде рассказа».

Тут же очутились на столе ... ну просто все чайные богатства земли русской, и самовар серебрянный уже шипит и паром исходит. Самовар, он таковский, он людей и мирит и сблизает, и просто радует своим благостным шипением.

* * *

В поздний рассветный час, когда на Москве стали разводиться рогатки, что перегораживали улицы, десяток сторожевых стрельцов остановили усталых коней, впряженных в кошевно.

«Эть, – кричат, – да это же нашего стелецкого сотника Олексы Никитина кошевня!»

Тут немедленно откинулась медвежья полость и, вместо Олексы Никитина появилась на свет Божий такая раскрасавица, что и в половине Москвы такой раскрасавицы не сыскать. Сладостно так говорит Анисья (то была, конечно, она): «А ну, стрельцы! Проводите-ка меня на митрополичий двор! К нему еду, совета просить!»

Тут, конечно, стрельцы заполошились, ибо с одной стороны, как бы боярыня приехала в Москву, да прямо к Митрополиту. А с другой стороны – служба! Без полковника стрелецкого полка – никак не проводить боярыню! Посему стрелецкий десятский и присвистнул: «А без нашего полковника, господина Бергера, никак невозможно тебя пропустить, боярыня. А он, поди, ещё почивать изволит!» И тут же отскочил в сторону и стал саблю тянуть наружу. Ибо на его присвист выскочила из кошевни огромная чёрная собака. «Ого – го! – Заорал тут десятский, – Браты! Это же псина как раз нашего полковника господина Бергера! Он, почитай, год назад повёз её в дальние леса, хотел к охоте приучить. Да эта псина тогда одного выстрела испугалась! Убежала из леса... Искал своего пса господин полковник Бергер, искал-

... Да не нашёл. Обещал аж целый рубль за его находку! Ну, братья, мы сегодня славно посидим на целый рубль в государевом кабаке! Иди сюда, пёс!»

Десятский ловко надел на шею совершенно смиренного чёрного пса свой кушак. Анисья протянула руку, два стрельца ей тут же помогли покинуть кошевню. «Собаку сию я нашла, стрельцы. – Сказала колдунья, – и ваш полковник станет лично меня благодарить за сию услугу. Но вот вам благодарность за то, что возьмёте меня в охрану, пока сам полковник не будет здесь!» Ну и сыпанула в шапку молодому стрельцу горсть серебра. «Обожду, – говорит Анисья стрельцам, – вашего полковника. Когда лихоманка – всегда великая жданка».

* * *

А в ту пору в селе, в доме Олексы Никитина, чаепития не случилось. И позднего ужина не случилось. Так оно бывает – и стол уставлен, и всякие самоварные соблазнительности вокруг самовара сгрудились, и «чего Бог послал», послано в три раза более потребного.

Но нету чаепития и ужина! Ибо Олекса Никитин и отец Сергей причащаются самым натуральным образом к тому горячему, что налито у них на блюдечках, и что есть на столе, а Марьюшка свой лик от стола воротит и поминутно использует Олексин кружевной рушник для прямых целей слёзоудаления. И не пьёт душистого чайного благородия, и медовым пряником его не закусывает. Поелику тихо плачет.

По этой причине и стало за столом, между лицом духовным и лицом военным, пиршественное настроение тишать и тишать, да и совсем затихло.

Олекса Никитин, да отец Сергей усталились на Марью и хором спросили: «Чего?»

«А вот того! – отвечает им Марья, – пока мы здесь сидим, колдунья Анисья увозит Олексину медаль в Москву! К Митрополиту московскому её увозит! А сама, может, так околдует Митрополита, что он не верным способом медаль Олексы освятит, а супротивным ходом!» И в полный голос стала утверждать свою мысль, рыдая на половину села.

Олекса Никитин, конечно, сразу использовал свои знания тактического распознавания фронта махом надвинувшейся личной войны. Подскакивает он к окну. Луна светит, и весь фронт ему как на ладонь положен.

«Точно! – Кричит Олекса. – На снегу следов разворота кошевни нет! Есть только свежий и прямой путь на Москву! Поспешим и мы!»

И просто моментальным, военным образом, надевает на себя полное зимнее обмундирование стрелецкого сотника, и шапку свою, с московским подломом, садит по самые брови и – готов!

Марья, накинувши шубу синюю, всю парчовую, да на рыжем лисьем подбое, утешительно говорит: «А ты, батюшка, отец Сергей, оставайся тут! Отдохни на старости лет своих праведных!»

«Такого позволить себе не могу!» – Отвечает отец Сергей, – ибо тёмные силы станут охранять колдунью весь путь! А вам весь путь те чёрные силы перекроют морями широкими, да горами высокими! Только я могу вас до Москвы беспрепятственно, силой веры, доставить!»

«Бодро изыясняется отец Сергей, – говорит Марьюшке Олекса Никитин, – значить, он вполне может сам за себя постоять и за нас помолиться! Пушай едет! Побегу теперь по соседям стучать, лошадей просить и санки быстрые!»

«А вот этого делать – не надо. – Остановливает его отец Сергей. – На ночь глядя, станут соседи выяснять, да крепко вопрошать, куда это мы направляемся? В вооружённом составе да при мне, при святом отце? Всё село за нас встанет и пойдёт на Москву прямо таки санная армия!»

«Армии нам на Москву не надо, – медленно соглашается Олекса Никитин, – но нам бы хоть одну лошаденку, да клочок сена для сугрева тела в санях. Где взять?» «А хоть бы и нашего соседа, Фрола Ермилова», – так по-женски, совершенно уже по-хозяйски, заявляет тут Марья – стрельчиха. – Он сено поставляет на Москву, в государевы конюшни, у него всегда и лошади наготове и сено в полной копне на каждом возу!»

* * *

Под совершенно полной луной выезжает на тракт «Село – Москва» санное изделие с огромной копной сена. Из той копны поверху торчат две головы: Марья – стрельчихи, да отца Сергея. А сбоку копны, там, где у лошади хвост, торчит голова Олексы Никитина. Как увидел он, стрелецкий сотник, прямой да накатанный путь к Москве, душа не вынесла. И понёсся над уснувшим селом, да над полями, да над лесами древний, ежальный клич: «Эй! Эгей!»

Берррегись! Берррегись! Ррррастопчу! Царрря возили!» И пошла тогда лошадь – сеновозка мерять не по пять шагов на «Отче наш», а по целых шесть шагов! Видать, тот клещ помнила, старушка. Убедившись, что езда к Москве направилась, отец Сергей, да Марья – стрельчиха, да Олекса Никитин нырнули в копну сена на полозьях, полностью доверившись лошади. Да, надо сказать, морозы стояли нешуточные. Только рабочая лошадь могла их выдержать на ходу, в сено не прячась.

* * *

Анисья в Кремлёвских пределах тоже, сиднем не сидит, а утренний чай пьёт. У неё возле кошевни, стараньями благовоспитанных стрельцов, и стол образовался, и на том столе самоварный набор. Тогда в Кремле важно принимали приезжих и проезжих. На мордах коней торбы с овсом висят, тоже как бы для них завтрак полезного происхождения. А чёрная собака изволит вкушать свежие баранки со скоростью в два укуса на баранку. Стрельцы строем оградили во все стороны кошевню, зорко высматривают, чтобы не дай Бог, кто боярыню отвлёт от утренней благодати. Ну и конечно, чтобы нечаянный посторонний не заметил, что стрельцы наливают себе в чашки не кипятком из самовара, а наливают то, что наливают взрослые военные люди из поясных фляг. В жуткий мороз.

Но тут вдруг чёрная собака отвлекла Анисью от тихого, московского гостеприимства. Чёрная собака стала рваться и повизгивать, а потом и рванулась от кошевни в ту сторону, куда навстречу ко стрельцам шагал высокий и крепкий телом полковник Бергер.

«Полковник Бергер!» – Ахнули стрельцы и забегали туда – сюда. Анисья спросила тишком: «Женат иноземец»? И получивши ответ: «Вдовый, боярыня милостивица», сыпнула ещё горсть серебра в подставленную для того случая другую стрелецкую шапку.

По тем временам полковник стрелецкого войска, он был кто? Он был как бы нынешний маршал. Он не может смотреть на явления и факты, так сказать, из низины будней, он должен парить высоко и видеть далеко. А посему, когда чёрная собака кинулась к нему, то полковник Бергер ту собаку железной рукой от себя отринул, прямо вот так, всей пятернёй и отринул, а сам как рыкнет своему войску: «Встать в строй»!

Знамо дело, десяток сторожевых стрельцов тут же загремел своими саблями, бердышами и прочим военным железом и строй образовал. Стоят, можно сказать, прекративши дыхание и прочее шевеление. Полковник Бергер на краю строя встал и смотрит. То смотрит, что положено – ровно ли стоят стрельцы, да нет ли у кого в строю лишнего оружия, да все ли в сапогах? Не выпивши ли кто?

В моменты таких напряженных войсковых построений никто и ничто полковника от военной заботы отвлечь не может.

А чёрный пёс, совершенно обиженный действием своего пропавшего хозяина, да действием прямо по своей морде, видит тут своим чёрным глазом, что из обшлага мундира у хозяина платок торчит. Белый и, вестимо, кружевной платок торчит. Как не сташить такой платок, да не отдать той хозяйюшке, каковая пса целый год кормила и в теплом доме содержала? Можно и даже нужно.

Тихой сапой дёрнул чёрный пёс кружевной платок из обшлага полковничьего мундира и в три прыжка доставил его Анисье. Анисья как глянула на платок, а там две буквы вышиты, черным по белому: «С» и «Б». Это, конечно, может означать и «Святый Боже», а может означать и «Симон Бергер».

Увидевши те буквы, Анисья тотчас вспомнила свой колдовской обряд поимения женихов своими подопечными поселянками. И тут же падает прямо на белый снег, прямо в своей красной парчовой шубе, снутри подбитой сибирскими белыми соболями. Падает не с притворством, а без сознания. А, может и наоборот. Но ведь женщину русскую кто разберёт на душевные части и на притворные масти? Никто. А собака, конечно, тут же выполняет свою роль в том знакомом ей колдовском обряде, и три раза громко ухает гулким своим голосом.

Вот этот собачий голос и будит полковника Бергера от забот его воинских и прямо силой возвращает, на нашу грешную землю. «Молчать, пёс! – командует собаке полковник Бергер, – А что это за боярыня тут улеглась, стрельцы? Тут гражданским и прочим женщинам – нельзя!» Десятский от стрельцов на этот вопрос бодро и громогласно (так в войске положено) рапортует: «Сие есть боярыня, которой до Митрополита московского сильно надобно поасть!» «Обеспечить попадание боярыни в покои Митрополита!» – Командует полковник Бергер.

Стрельцы, конечно, кидаются к Анисье, дабы поднять её со снега и привести в существующий мир, а потом привести и к Митрополиту. И тут же замирают стрельцы, поелику чёрная собака, вставши над лежащей Анисьей, показала им, что зубы у неё есть. И зубы те острые. И большие. — Стрелецкий десятский немедленно и гордо сообщает полковнику Бергеру: «Ваше повеление мы исполнить не можем»!

Не дрогнув и кулаком на такое неисполнение приказа, но придав голосу много силы и грома, полковник Бергер вопрошает: «А по какому такому случаю вы, стрельцы, мой приказ выполнить не можете? Лишу вас тотчас оклада жалования»!

«А мы на посту стоим. Сей пост у дверей Великого государя покидать возбраняется!» — Так отпартовал стрелецкий десятский, и все стрельцы его тотчас поддержали, махом вставши опять в ровный строй.

«Да, — подтверждает тут полковник Бергер, — хорошее войско я себе воспитал. Есть в ём дисциплина. Молодцы!» А сам топчется возле Анисьи и не знает, как ему быть. А чёрная собака лизнула Анисью в щеку ея алюю, как бы подсказывает полковнику — как ему быть. И видит тут полковник Бергер, что не совсем простая и гражданская женщина на снегу раскинулась, а прямо таки раскрасавица, да и при теле, и при богатой шубе, в три годовых полковничьих оклада жалования.

Крякнул сам себе полковник Бергер, прямо изо всей своей мужицкой силы вдовца крякнул, да и подхватил Анисью на руки. Она немедля его за шею своей рукою обвила, но полковник того не почувал или не захотел. При стрельцах ему, полководцу, нельзя выказывать любовное чувство, хоть оно и напало на полковника внезапно и сильно, как татары на Русь.

«Сам доставлю боярыню к Митрополиту! — Раздражается полковник своим внезапным чувством, но направляя его, конечно, на стрельцов. — Охранять мою собаку»!

Стрелецкий десятник тотчас опять накинул на шею чёрному псу свой кушак и рапортует: «Будет исполнено»!

А полковник Бергер несёт Анисью на сильных своих воинских руках, а она его в губы целует и целует, а полковник несёт ея и целует ответно, и целует и целует. Нести на руках раскрасивую женщину от стрелецкого поста ко входу в Митрополичы покои недалеко, десять шагов всего. А полковник, (стрельцы считали), нёс Анисью аж пятьдесят шагов и всё кривулями! Колдовство, наверное. Притягательная сила.

* * *

Только стрельцы рассупонились, кушаки свои опустили, крикнули кому надо, чтобы старый чайный прибор унесли, да свежий принесли, а тут с кремлёвского главного пути поднимается на них огромный воз с сеном. Волокёт тот воз обычная лошаде́нка и пропуска, в этом разе, предьявить не может. А как так — без пропуска и в Кремль? Тут, конечно, стрельцы хватают свои бердыши, и начинают лошадь останавливать с криками боевого свойства: «Зарублю, бодлива корова»! На это раздаётся прямо снутри копны сена оглушительный, просто пушечный выстрел. Стрельцы, ясное дело, для сохранения живота своего, падают наземь и укрывают руками головы. А с высоты копны появляется Олекса Никитин, сотник стрелецкий, с дымящейся пищалью, и кричит с командирским голосовым раздраем, как положено кричать сотникам: «Где колдунья»! А стрельцы, ему сразу в ответ, да так радостно кричат: «Нашего полковника к Митрополиту уволокла»!

Протопала копна сена еще десять лошадиных топотов, да прямо под митрополичы крыльцо. Олекса Никитин съезжает с копны сена к высоченной двери покоев Митрополита московского, да ту дверь и распахивает безо всяких ячих. Времени нет! Колдунья обманным образом, да под военным прикрытием военного полковника взшла на самую верхнюю ступень Православного величия!

* * *

В большой, золотом да парчой украшенной митрополичы палате начался самый, можно сказать, великий в ту пору бой за светлую и счастливую часть жизни героев повествования...

А диспозиция такая: Анисья, конечно, в таком святом месте стоит возле Митрополита московского и держит в руках золотую медаль Олексы Никитина. И поясняет про медаль Митрополиту: «Медаль за храбрость... Олексы Никитина... Он днями у тебя, святой отец был, на отсутствие детей жалился... Осветить бы медаль надобно...».

«Митрополит московский говорит: «Сделаем»! И тут же крестит ту медаль своей набожной рукой. А рядом с ним стоит серебрянный сосуд со святой водой, так из того сосуда тою водой Митрополит брызгает на медалию щедро, и во благовременье читаемой молитве. А полковник Бергер, стоит, конечно, в полном одеянии стре-

лецкого полковника, стоит оперевшись на свою саблю, правда сабля в ножнах. Но при надетой на голову шапке стоит, иноземец! В самом сердце Православной жизни! Не молится, не крестится.

Митрополит московский, увидевши такое отношение полковника к своему сану и местоблюстению, говорит: «Дщерь моя! Но чует моё христианское сердце, что ты, ведь, грешна! Покайся!»

Подставляет Митрополит самолично особую скамеечку себе под ноги, становится на неё, покрывает сверху колдунью Анисью стихирём. Колдунья Анисья из – под того стихиря вынает наружу руку, а в ней кружевной платок полковника Бергера. Ибо колдовской предмет, а именно платок, нельзя покрывать стихирём Православной силы. Чары исчезнут. И тут, из – под стихиря, еле слышно доносится ейный голос: «Грешна батюшка! Иноземного полковника полюбила! А он меня замуж не зовёт!» И тут, конечно, полились прямо на митрополичий ковер щедрые вдовьи слёзы.

Митрополит московский говорит: «Ага! Но сейчас позовёт!» Митрополит московский отринул с Анисьи стихирь, перекрестился так благостно, но сурово, на огонь неугасимой лампы, поворачивается к полковнику Бергеру и говорит: «Поди, в святом месте находишься, полковник. Грешно в таком месте русскую женщину замуж не позвать! Давай, зови её замуж!»

Но только полковник Бергер сделал один шаг навстречу Анисье, как в покои Митрополита Московского скорым шагом, однако не стрелецким и боевым, а просто очень скорым шагом влетают Олекса Никитин, да отец Сергей, да Марья – стрельчиха.

Олекса Никитин, невзирая на присутствие своего воинского начальника и полковника Симона Бергера, кричит на Анисью: «Изыди, бестия и колдунья! Но отдай мою медаль!»

Вот те – нате! При самом Митрополите московском такое кричать? В непосредственной близости от своего полковника, который всегда с саблею ходит?

От такого крика, конечно, образуется в покоях Митрополита просто невероятное по жизни человеческое и симпатическое разделение. Марья, вместо того, чтобы встать грудью на защиту действий своего мужа и стрелецкого сотника, вдруг бежит и становится рядом с Анисьей, дабы поддержать ейный, женский причинно начав-

шийся плач. И обе принародно плачут!

Отец Сергей, бренча золотыми медалями вдовы Анисьи, немедленно занимает сторону Митрополита, по левую его руку, ибо оба они находятся в нештучных Православных званиях, и радеют в благочинном служении одному Богу.

А вот насчёт полковника Бергера и Олексы Никитина такого желания образовывать третью силу в борьбе за Истину, внезапно не обнаружилось. Ибо полковник Бергер после крика Олексы Никитина вытянул наружу свою острую саблю шведской ковки, махнул ею вполсвиста и говорит: «Сотник! За оскорбление мой будущей жены тебя зарублю!» Олекса Никитин, видя, что сабля его высшего командира не заржавела, а вполне пригодна переместить его голову под алтарь Господа Бога нашего, немедля вынает свой стрелецкий кинжал, всегда ждущий такого счастья на кожаном поясе. Перекрестясь, и правды ради, следует тут намекнуть, что сей кинжал дамасской работы «кинжалом» называть стыдно. Ибо по размерам и силе воздействия на врага – это есть меч.

Все люди, окромя двоих супротивников, громко воскликнули: «Ну- ка!» В смысле – «Перестаньте сейчас же махать острым железом в благом месте!» На что военные железа скрестились, издавши полагающийся звон, а поединщики ответно крикнули: «Хе!» Сие означает глубокий выдох для поимения резвости в руках и в ногах.

Тут Митрополит московский немедленно поднимает в своей правой руке чиновальный свой крест золотого исполнения и идет становиться между бойцами. За ним то же ритуальное действие совершает и отец Сергей. Становятся оне двое под грозные и крепкие оружия ближнего боя. Митрополит московский говорит ласково и смиренно: «Обеих, вот сейчас, отлучу к яду от Церкви!»

Отец Сергей ему вторит, но другими словами: «Отлучить полковника никак нельзя, он лютеранин!»

Полковник Бергер, махая саблей, от нервности остановленного боя, те слова полностью подтверждает на немецком языке: «Яволь! Никакие силы нах зибен Химмель меня не отринут от моей религии и от русской женщины Анисьи!»

Олекса Никитин тут молчит, ибо он знает силу Православия и силу слова Митрополита московского. А Митрополит и отвечает злomu и красному полковнику Бер-

геру: «Силы небесные, противу твоего седьмого неба, для такого малого действия привлечь не стану. У меня простые православные силы есть». И нечаянно стучает своим митрополичьим посохом об пол. Махом раскрываются две двери и входят в те двери, да с двух сторон, шесть православных сил, в черных скуфейках, но с пудовыми кулаками.

«Православие – великая сила, – соглашается полковник Бергер и делает саблей салют своему сотнику и Митрополиту московскому. И сабля его в сильном смущении прячется в ножны. И молодцы митрополитовы тут же убираются.

Но вот Олекса Никитин кинжальчик свой не прячет. А как вятский человек с упрямым характером, возвращается к своему первоначальному требованию: «Анисья, колдунья! Отдай мою медаль»!

Митрополит на то известное ему упрямство, ибо сам он вятских, московских кровей, благолепно говорит: «Балда ты стоеросовая, сотник! Анисья – вдовица мне уже покаялась, и я все грехи с неё отринул своим пастырским мановением»!

«А медаль моя где?» – Не унимается Олекса Никитин.

«Вот твоя медаль!» – тянет ему золотой кружок Митрополит, – прошла она и крещение моё и через святую воду прошла!» И надевает ту медаль на шею сотнику. Олекса Никитин с благодарностью принимает свою медаль и тут же прячет подальше свой кинжал именем «меч».

В это время раздаётся стройная молитва отца Сергия, каковой стоит возле серебрянной купели со святою водой и окунает туда три золотых медали. Митрополит московский те медали перекрещивает, безо всякого вопрошания, «мол, где ты их взял, да за что они побывали в святой воде». А отец Сергий тут же надевает освященные медали на вдовицу Анисью. И говорит всем собравшимся со строгой печалью в душе и в голосе: «Мол, эти медали ейный покойный муж завоевал в суровых битвах за Святую Русь».

Все, конечно, на те слова крестятся, исключая полковника Бергера. Он свои руки, лютеранин, занял тем, что расстегивал свой верхний стрелецкий кафтан. А расстегнувши верхний кафтан, явил в митрополичьей палате свои награды, навешанные на нижний стрелецкий кафтан. И каких там только монет не было! И серебряные и золотые, даже одна медальная монета была древне-го, арабского еще чекана, именованном

«золотой динарий». С ватрушку величиной был тот динарий. Весомая награда!

«О! – Говорит тут Митрополит московский. – Молодец! А самую высшую награду от меня получить хочешь?»

«Анисью мне в жены?» – спрашивает гордый полковник. «Анисью я тебе в жены отдам и так, по велению ея души. Но прежде ты станешь исповедовать Православную веру! Станешь в Православие, сын мой и полковник Государя?»

Анисья тут совершенно незаметным образом махает полковнику его же белым кружевным платком. Как бы советует идти на полную белую сдачу!

«Яволь, герр Митрополит, – радостно заявляет полковник, – я готов!»

Анисья тут же несёт полковнику евоный платок и возвращает ему в руку, заодно кладя свою милую, томную голову на медальный звон полковничьей груди. И, конечно, Марьюшка, видя, что всё дело кончилось к славе их супружеской жизни, и во славу Господа нашего, подбегает к своему мужу Олексе Никитину и тут же со стоном падает у его ног.

«Колдовство! – Кричит Олекса. – Я же говорил – колдовство тут полное!»

Анисья мигом приседает к Марье и гладит её по животу. И возвещает всем: «Тут не колдовство. А первый стук плода желанного ощутила твоя Марья, сотник. Погоди... погоди... Там и второй плод к тебе стучится, сотник, и оба оне – мальчики!»

Внезапно распахиваются обе двери в палату Митрополита, молча входят молодцы в черных скуфейках и один из них громко и напевно извещает собравшихся: «Великий Государь всея Руси и Великий Московский князь сюда пожаловать изволил!»

И все, конечно, не исключая Митрополита, тотчас бухнулись на колени исполнять земной поклон Великому Государю московскому и всея Руси.

* * *

Всё бы, конечно, в сем рассказе, кончилась хорошо, дак ведь нет. Ну что ты будешь делать с русскими характерами, живущими до сих пор в русских бабах?

Вот уже и год опять прошёл, и в сельском храме, в самый святой праздник Богоявления, отец Сергий проводит обряд крещения. Сначала, как положено по рангу, покрестил он девочку, каковую родила Анисья, полковничья теперь супруга. Потом начал отец Сергий обряд крещения

двух близнецов, видимо, от радости великой, рождённых Марьей от мужа ея, стрелецкого сотника Олексы Никитина. Олекса Никитин, при сабле и уже при двух золотых медалях, стоит рядом со счастливой Марьей, держит одного, уже покрещёного сына на руках. Крещение идёт себе по обряду, отец Сергей вынимает второго Олексиного сыночка из серебряной купели, передает отцу, Олексе Никитину, со словами: «Нарекается раб божий именем Антон...».

Полковник Бергер с таким великим пониманием участвует в Православном обряде, что уже крещёную свою дочь супруге своей Анисье не отдаёт, а сам держит её на руках и только ею и восторгается, про жену и забывши.

Тогда Анисья, супруга полковника Бергера, отходит от своего мужа и от своей малой дитятки в его руках. И отходит к выходу из храма, через толпу радующихся прихожан. Да по пути к дверям так тихонько вынает из кармана разинувшего рот доброго стрелецкого молодца парчовый кружевной платок с вышитыми буквами его имени, и тихохонько покидает храм.

А возле храма, у коновязи, сидит среди коней чёрный полковничий пёс и совершенно скучает. Ибо привязан, как конь. А побегать бы по снегу, поиграть с детьми... – Побежать бы, посмотреть на огромный

Православный крест, что стоит и сияет возле проруби Иордань... Эх вы, люди, люди...

Да, оно, конечно, тут же у храма, три разбойничка с лопатами да с метлами, тоже вздыхаючи, исполняют подметательные и уборочные снеговые работы, имея на ногах кандалные цепи с пудовыми ядрами. Тогдашнее время шибко суровое было, на предмет наказания воровских и разбойных дел... Судьбинушка воров наказала крепко, конечно...

И что в этом разе делает Анисья? Оглядевшись, она со словами: «Нюхай, нюхай», – даёт псу понюхать белейшую шкурку соболя. Потом прячет соболя себе в рукав и говорит далее: «Шкурка песцовая принесена мне купцовой дочкой, Анастасией Копейкиной. Ейный на шкурке запах. Найдёшь её дом по запаху. И нынче ты, пёс, испугаешь Анастасию, ту дочь купецкую, когда она станет снег в горнице мести венником. Вот тебе платок будущего ейного жениха, бросишь ей под веник сей платок! Давай, беги!»

И, кто бы только видел, сама отвязывается от коновязи (знатная боярыня!) огромного чёрного пса!

Ну, а пёс, ухвативши в зубы парчовый кружевной платок, уши приложил, да бешено и весело помчался по селу... И на колокольне храма зазвонили, зародовались колокола...

25.12.2010